

УДК 82-3
ББК 83.3(2=411.2)52

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-30-35

«МОИ ДЕНЬГИ!» ДОСТОЕВСКИЙ И ЧЕХОВ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

С. Н. Черепанова

Аннотация. В статье анализируются эпизоды сожжения денег в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» и в «Драме на охоте» А. П. Чехова. Сопоставление данных эпизодов позволяет выявить не только характерные черты для повествования писателей, но и приблизиться к целостному пониманию произведений. Чехов, используя эпизод сожжения денег, пародийно переосмысляет его. Драматизм, эмоциональность, высокое внутреннее напряжение, характерные для повествования Достоевского, снижаются у Чехова до бытового плана. Разную роль выполняют и деньги. Если у Достоевского деньги – это, прежде всего, испытание человеческой души, то у Чехова деньги – символ независимости, принадлежности к сильным мира сего. В статье рассматривается характеристика Настасьи Филипповны и Камышева-Зиновьева, а также тема сумасшествия. Сопоставительный анализ эпизодов позволяет сделать вывод о разнонаправленности анализируемых эпизодов.

Ключевые слова: пародия, эпизод, Достоевский, «Идиот», Чехов, «Драма на охоте».

Для цитирования: Черепанова С. Н. «Мои деньги!» Достоевский и Чехов: литературная пародия // Наука и школа. 2023. № 2. С. 30–35. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-30-35.

„MY MONEY!“ DOSTOEVSKY AND CHEKHOV: LITERARY PARODY

S. N. Cherepanova

Abstract. The article analyzes the events of burning money in F. M. Dostoevsky's novel „The Idiot” and A. P. Chekhov's „Drama on the Hunt”. The comparison of the events makes it possible to identify not only the characteristic features of the writers' narrative, but also to approach a holistic understanding of the works. Using the event of burning money, Chekhov reinterprets it parodically. Chekhov reduces the drama, emotionality and high internal tension,

© Черепанова С. Н., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

which are typical of Dostoevsky's narrative, to an ordinary context. Money also plays a different role. If Dostoevsky's money is a test of the human soul, then Chekhov's money is a symbol of independence, belonging to the powerful of the world. The article discusses the characteristics of Nastasia Filippovna and Kamyshev-Zinoviev and the topic of insanity as well. A comparative analysis allows us to conclude that the analyzed events have different directions.

Keywords: *parody, event, Dostoevsky, "The Idiot", Chekhov, "Drama on the Hunt".*

Cite as: Cherepanova S. N. „My money!” Dostoevsky and Chekhov: literary parody. *Nauka i shkola*. 2023, No. 2, pp. 30–35. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-30-35.

Взаимосвязь творчества А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского на сегодняшний день, безусловно, привлекает внимание литературоведов. Стоит отметить, что исследователи по-разному видят взаимосвязь авторов: некоторые отмечают противопоставленность Чехова Достоевскому, другие видят в творчестве Чехова преемственность традиции Достоевского. Так, М. П. Громов полагает, что «в истории литературы и в сознании читателя» Достоевский и Чехов противопоставляются, но не соотносятся: «Сдержанная краткость чеховской прозы, ее вещность и красочность, ее “объективность”, которую современники, знавшие Достоевского, быть может, в сравнении с ним и воспринимали как равнодушие и холодность, – все это очень уж резко контрастирует с поэтикой и стилем “Белых ночей”, “Преступления и наказания”, “Подростка”» [1, с. 246]. Напротив, М. В. Литовченко, рассматривая взаимосвязь писателей, считает, что Чехов развивает, иногда в полемике, традицию Достоевского [2]. Нам ближе точка зрения Р. Г. Назирова: «... молодой Чехов испытал сильное влияние корифеев русского романа, но в период творческой зрелости решительно и принципиально эмансипировался от влияний и Толстого, и Достоевского, хотя и не переставал учиться у них искусству большой повествовательной формы» [3, с. 168].

Ряд исследователей говорят о пародийном переосмыслении Чеховым наследия

Достоевского преимущественно тогда, когда речь заходит о раннем творчестве Антона Павловича, которое характеризуется как юмористический период писателя. Так, С. А. Кибальник в «Драме на охоте» видит «развернутую пародию Чехова на Достоевского» [4, с. 60].

Под пародией мы понимаем разнонаправленное двуголосое слово (по Бахтину), которое подразумевает некое снижение, дискредитацию пародируемого текста: его формы или стиля, или содержания, или всего вместе. Необходимо отметить, что пародия не всегда подразумевает наличие смешного: смеховой мир перестает быть смеховым, когда «смеховая ситуация становилась грустной реальностью» [5, с. 386].

Нам представляется интересным проследить творческое взаимоотношение Достоевского и Чехова на основе анализа эпизодов сожжения денег в романе «Идиот» (Ф. М. Достоевский) и в «Драме на охоте» (А. П. Чехов). Мы сосредоточим свое внимание на анализе одного эпизода, поскольку эпизод является единицей целостного анализа произведения, которая позволяет «соединить сюжетную событийность с событием повествования и формальным членением текста произведения на абзацы и главы» [6, с. 73]. В эпизоде, на наш взгляд, может быть заключен ключ к целостному пониманию текста. В этом смысле нам близка мысль Н. В. Барковской: «Поняв смысл и принципы построения эпизода, мы в какой-то

степени приблизимся к пониманию всего произведения» [6, с. 75]. Именно в эпизоде соотносятся событийный и текстовый аспекты.

Итак, целью данной работы является сопоставительный анализ эпизодов сожжения денег в «Идиоте» Ф. М. Достоевского и в «Драме на охоте» А. П. Чехова.

В ходе анализа необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Какое место занимает эпизод в целомном аспекте произведения?

2. Что общего между сравниваемыми текстами? (Образы, поведение персонажей, лексика, синтаксические конструкции.)

3. Как данный эпизод характеризует героев произведения? Как в сцене сожжения денег ведут себя персонажи (общество), через что это выражается?

4. Для чего Чехов использует ту же сцену, что и Достоевский?

5. Можем ли мы считать чеховский текст пародией на эпизод из романа Достоевского?

В романе Достоевского эпизод сожжения денег является кульминацией и развязкой конфликта. Афанасий Иванович Тоцкий, собираясь жениться на богатой наследнице, желает избавиться от Настасьи Филипповны, выдав ее замуж. Для этого Тоцкий предложил приданое для потенциального жениха Гаврилы Ардалионовича Иволгина. Деньги для Гани являются целью, ради которой он готов жениться, несмотря на отсутствие чувств к невесте и ее прошлому.

Мотив сожжения денег можно рассмотреть как пример «сильного жеста». Настасья Филипповна устроила проверку Ганечке, предлагая достать из огня голыми руками пачку ста тысяч рублей. Эта проверка устроена не из праздности, это проверка души человека: «А я на душу твою полнуюсь, как ты за моими деньгами в огонь полезешь» [7, с. 176]. В данной сцене деньги выступают средством испытания героя. Благодаря этому эпизоду читатель понимает,

насколько сильно деньги управляют обществом – в этой сцене нет ни одного равнодушного: «Господи, господа! – раздавалось кругом. Все затеснились вокруг камина, все лезли смотреть, все восклицали... Иные даже вскочили на стулья, чтобы смотреть через головы» [7, с. 177]. Увидев затлевающую пачку, Афанасий Иванович побледнел, Фердыщенко готов «зубами выхватить за одну только тысячу», Лебедев готов в любую минуту кинуться доставать деньги из огня: «Повели мне в камин: весь влезу, всю голову свою седую в огонь вложу!.. Большая жена без ног, тринадцать человек детей – всё сироты, отца схоронил на прошлой неделе, голодный сидит, Настасья Филипповна!! – и, провонив, он пополз было в камин» [7, с. 177]. Обогащение для данных персонажей – главная цель. Герои страстно жаждут наживы, их страсть настолько велика, что деньги буквально меняют поведение «благородных» людей. Этот поступок Настасьи Филипповны сводит с ума настолько, что герои готовы унижаться, ползать на коленях и при первой же возможности залезть в огонь за деньгами.

Тема сумасшествия пронизывает весь эпизод. Сумасшедшей называют Настасью Филипповну и ее поступок, благородное и уважаемое общество сходит с ума, как только понимает, что деньги оказываются в огне. Ганя не может сдвинуться с места, с «безумной улыбкой» [7, с. 178] молча смотрит на огонь. Не выдержав накала, Ганя падает в обморок.

Настасья Филипповна выражает свое презрение к деньгам, когда бросает их в огонь, но и в завершении сцены героиня с легкостью отдает деньги Гане в качестве вознаграждения: «Все его! Вся пачка его! Слышите, господа! – провозгласила Настасья Филипповна, кладя пачку возле Гани. – А не пошел-таки, выдержал! Значит, самолюбия еще больше, чем жажды денег» [7, с. 179]. Е. Н. Бадалова отмечает, что «данный эпизод входит в систему эпизодов, которой

является мотивом катарсиса героя» [8, с. 82]. Далее исследователь отмечает несколько этапов прохождения катарсиса: 1) очищение огнем, где «пачка – медиатор между духовным миром и реальной действительностью» [8, с. 82], 2) момент обморока как переходное состояние, 3) испытание огнем, метафизический уход от реальности. Вывод, к которому приходит исследователь – в этой сцене мы наблюдаем процесс очищения героя: «Деньги выступают как средство, с помощью которого испытывают героя, и одновременно материальной проекцией состояния героя. Пачка денег сначала горит в камине, соединяя в себе духовное и материальное пространства, затем отдается в дар Гане как залог его победы над собой и передается князю в качестве символа дружбы и доверия к нему и одновременно разрыва отношений с Настасьей Филипповной. Мы наблюдаем связь человека и вещи» [8, с. 83].

Примечательно, что испытание деньгами проводит Настасья Филипповна. В отличие от ее богатого окружения, в Настасье Филипповне есть внутреннее достоинство, которое подмечает князь Мышкин. Однако сама героиня считает себя недостойной, падшей женщиной, именно поэтому она отказывается от любви князя Мышкина, в котором видит кротость и чистоту. Она считает себя погрязшей в объятых страстями мире, где человеческие судьбы измеряются деньгами, а человек приравнивается вещи, товару: «...меня всё торговали, а замуж никто еще не сватал из людей» [7, с. 174]. Тоцкий, отдавая за Настасью Филипповну семьдесят пять тысяч, по сути, продает ее. Рогожин, одержимый страстью, готов платить больше. Настасья Филипповна своим сумасбродным, сумасшедшим поступком обнажает ненормальность, безумство, помешательство на деньгах окружающего мира.

Яркая и эффектная сцена, полная драматизма, внутреннего напряжения и эмоционального накала, служит для

раскрытия душевных качеств персонажей. На это указывают короткие реплики, выкрикиваемые персонажами. После каждой реплики стоит восклицательный знак. Благодаря такой эмоциональной динамике эпизода читатель понимает, насколько ненормальным, сумасшедшим делают деньги человека, насколько у денег большая власть: от материального состояния зависит судьба человека, деньги управляют человеческими жизнями.

В чеховском эпизоде задействованы три героя: богатый граф Карнеев, следователь Зиновьев, приехавший в гости, и Казтан Казимирович Пшехоцкий. В системе повести сцене с кредитками предшествует описание большого разгула и пьянства героев, с цыганскими песнями и плясками. Эпизод сожжения кредиток является завершением двухдневной пьянки и разгульного хаоса в усадьбе графа Карнеева. Отметим, что Казтан Казимирович, брат невесты Карнеева, не принимал никакого участия «в нашем веселье, но, тем не менее, не спавший и ходивший всё время за нами, как тень...» [9, с. 285], но именно этот герой без раздумий бросится тушить кредитки. Чехов, используя тот же жест, что и Достоевский, снижает его, переводя в бытовой план, отсюда появляется комический эффект. Яркое пламя огня камина сменяется бледным огнем свечи Шандора. Даже описание пейзажа не кажется поэтически возвышенным: наряду с золотистыми лучами восходящего солнца слышится «возня воробьев, пенье скворцов, шелест, хлопанье отяжелевших за ночь крыльев... Слышно мычанье стада и крики пастухов» [9, с. 285]. Смешным выглядит и обстановка: на фоне идиллического пейзажа: «Небо уже бело, и на верхушке самого высокого дерева уже начинают золотиться лучи восходящего солнца» [9, с. 285] – разворачивается спор пьяных мужчин.

У Чехова никто из героев устраивать проверку деньгами не собирался, деньги здесь выступают скорее показателем

независимости. Камышеву важно показать, что он может заплатить за веселье, его самолюбие оказывается задетым, поскольку он понимает, что кутит за счет графа Карнеева. И поскольку граф отказывается брать кредитки, Зиновьев решает их поджечь, демонстрируя тем самым свою независимость от дворянского положения своего друга графа Карнеева.

Для Камышева-Зиновьева деньги определяют его достоинство: «Не берешь? Не понимаю этого одолжения! Неужели ты думаешь, что если ты богат, как дьявол, то имеешь право делать мне такие одолжения? Чёрт возьми, я нанимал Карпова, я ему и заплачу! Не нужно твоей половины! Я писал телеграмму!» [9, с. 285]. У Чехова пьянство опошляет саму ситуацию. Сильный жест превращается в выходку пьяного человека. Сравним с Настасьей Филипповной: «Мои деньги! Я их за ночь у Рогожина взяла. <...> Ну, так все прочь, что хочу, то и делаю!» [7, с. 176]. Эта сцена ярко свидетельствует о том, что героиня таким образом бросает вызов обществу, которое любым нематериальным ценностям назначит свою цену. Настасья Филипповна хотя бы в этом «сумасшедшем» поступке пытается найти освобождение от «денежных» устоев этого мира.

Необходимо обратить внимание, что Камышев-Зиновьев окажется жестоким убийцей. В этом смысле сожжение кредиток в огне Шандора выглядит абсурдным, потому как испытывать окажется нечего и некого. Вспомним, что деньги у Достоевского испытывают человеческую душу. Если в Настасье Филипповне мы угадываем черты истерзанной, измученной души, то в чеховском герое – нет. Если мир Достоевского по данному эпизоду кажется сумасшедшим, ненормальным, то в мире Чехова ненормальность становится нормой. В этом моменте смешное становится грустным. Испытывать уже нечего. Любовь ставится в один ряд с половом, чувства обесцениваются: «Я не понимаю! – говорит он [Каэтан. – С. 4],

кладя в карман обожженные кредитки. – Жечь деньги?! Словно это прошлогоднее полово или любовные письма... Лучше я бедному отдам кому-нибудь, чем отдавать их огню» [9, с. 286].

В отличие от сцены Достоевского, в чеховской повести нет драматизма и накала. Если в сцене у Достоевского Настасья Филипповна сама решает судьбу ста тысяч (никто не посмел вытащить пачку, пока хозяйка не разрешила), то у Чехова Пшехоцкий не дожидается, когда сгорят деньги: как только Камышев поджег кредитки, Каэтан тут же их затушил. «Он делает большие глаза, бледнеет и падает своим тяжелым телом на землю, стараясь затушить ладонями огонь на деньгах... Это ему удастся» [9, с. 286], – высокий драматизм Достоевского переведен в бытовой план, поскольку, в отличие от Гани, деньги Каэтану не предлагались. Присвоив кредитки, Каэтан Казимирович распорядится ими совсем не в благодородных целях.

Таким образом, в данных эпизодах общей является внешняя составляющая – сожжение денег. Однако задачи эти эпизоды выполняют разные. Деньги у Достоевского, прежде всего, это испытание души, испытание на честность, достоинство, человечность. У Чехова деньги – показатель независимости и состоятельности, принадлежности к сильному миру сего. Писатель пародийно переосмысляет эпизод сожжения денег, выводя его в бытовой план. Чехов снижает драматизм и эмоциональность повествования Достоевского за счет использования бытовых, сниженных деталей на фоне поэтического описания обстановки. Если эмоциональность Настасьи Филипповны создается в том числе за счет ее истории о своей жизни, внутреннего посыла, то у Чехова пьянство опошляет, снижает саму ситуацию, переводит ее в бытовой план. Сильный жест превращается всего лишь в выходку пьяного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов М. П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.
2. Литовченко М. В. А. П. Чехов и Ф. М. Достоевский: диалог культур // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 504–507.
3. Назиров Р. Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 159–168.
4. Кибальник С. А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. 314 с.
5. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб.: Алетейя, 2001. 511 с.
6. Барковская Н. В. Методические принципы анализа литературного произведения в школе: моногр. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2008. 117 с.
7. Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1989. Т. 6. 671 с.
8. Бадалова Е. Н. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2017. 180 с.
9. Чехов А. П. Драма на охоте // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 3. С. 241–416.

REFERENCES

1. Gromov M. P. *Kniga o Chekhove*. Moscow: Sovremennik, 1989. 384 p.
2. Litovchenko M. V. A. P. Chekhov i F. M. Dostoevskiy: dialog kultur. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2017, No. 6 (67), pp. 504–507.
3. Nazirov R. G. Dostoevskii i Chekhov: Preemstvennost i parodiya In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitelno-istoricheskii podkhod*. Ufa: Bashkir State University, 2005. Pp. 159–168.
4. Kibalnik S. A. *Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta*. St. Petersburg: ID “Petropolis”, 2015. 314 p.
5. Likhachev D. S. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury. Smekh kak mirovozzrenie*. St. Petersburg: Aleteiya, 2001. 511 p.
6. Barkovskaya N. V. *Metodicheskie printsipy analiza literaturnogo proizvedeniya v shkole*. Ekaterinburg: Ural Stat Pedagogical University, 2008. 117 p.
7. Dostoevskiy F. M. Idiot. In: *Dostoevskiy F. M. Sbranie sochineniy*. In 15 vols. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otd., 1989. Vol. 6. 671 p.
8. Badalova E. N. Kontseptosfera romana F. M. Dostoevskogo “Idiot”. *PhD dissertation (Philology)*. Astrakhan, 2017. 180 p.
9. Chekhov A. P. Drama na okhote. In: *Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. In 30 vols*. Moscow: Nauka, 1975. Vol. 3. Pp. 241–416.

Черепанова Светлана Николаевна, аспирант кафедры русистики философского факультета, Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словацкая Республика
e-mail: Svetkin2014@mail.ru

Cherepanova Svetlana N., PhD post-graduate student, Russian Studies Department, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovak Republic
e-mail: Svetkin2014@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2022
The article was received on 26.12.2022